

ОГОНЬ И ВОДА: СИМФОНИЯ КОНТРАСТОВ

ВАСИЛЬЕВА

Ирина Васильева

**Огонь и Вода:
Симфония контрастов.**

«Автор»

2026

Васильева И.

Огонь и Вода: Симфония контрастов. / И. Васильева — «Автор»,
2026

Когда-то Алиса была матерью-одиночкой, работавшей уборщицей, чтобы прокормить сына. Теперь она — востребованный художник, нашедшая свой стиль и уверенность. Но её лучшая подруга Тина, достигнув пика славы в индустрии, сгорает от внутреннего пожара: панические атаки и выгорание толкают её на поиски адреналина в экстремальном спорте и случайных связях. Их союз, некогда бывший спасательным кругом, превратился в успешную студию «Стихии». Стабильность их мира нарушает десятилетний сын Алисы, Артём. Его школьный проект — рок-сценарий о Падшем Листе — становится катализатором перемен. Вдохновлённый любовью матери и тётки к музыке Виктора Цоя и группы «Ария», он создаёт собственную группу «Четвёртый Б». Творческий путь мальчика заставляет взрослых взглянуть на собственные жизни под новым углом. Пока Артём со своими друзьями штурмует сцену конкурса юных талантов, его мама и тётка проходят через собственные трансформации.

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Тишина в переговорной.	5
Глава 2. Падение в тишину.	9
Глава 2.1. Эхо пустого зала.	12
Глава 3. Искра в пепле.	14
Глава 4. Симфония контрастов.	17
Глава 5. Хроники четвертого «Б».	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ирина Васильева

Огонь и Вода: Симфония контрастов.

Глава 1.

Тишина в переговорной.

Алиса смотрела на экран планшета, и её улыбка, сначала робкая, становилась всё шире, пока не осветила лицо неподдельным, почти детским восторгом. Концепт-арт для нового фэнтези-блокбастера — воинственная эльфийка с глазами цвета грозового неба — был принят заказчиком. Принят не просто так, а с первого раза. Никаких правок. Никаких изматывающих итераций в духе «сделайте глаза героини более загадочными, а меч — на пять процентов длиннее». Просто короткое, ёмкое сообщение в мессенджере: «Вау. Берём. В печать».

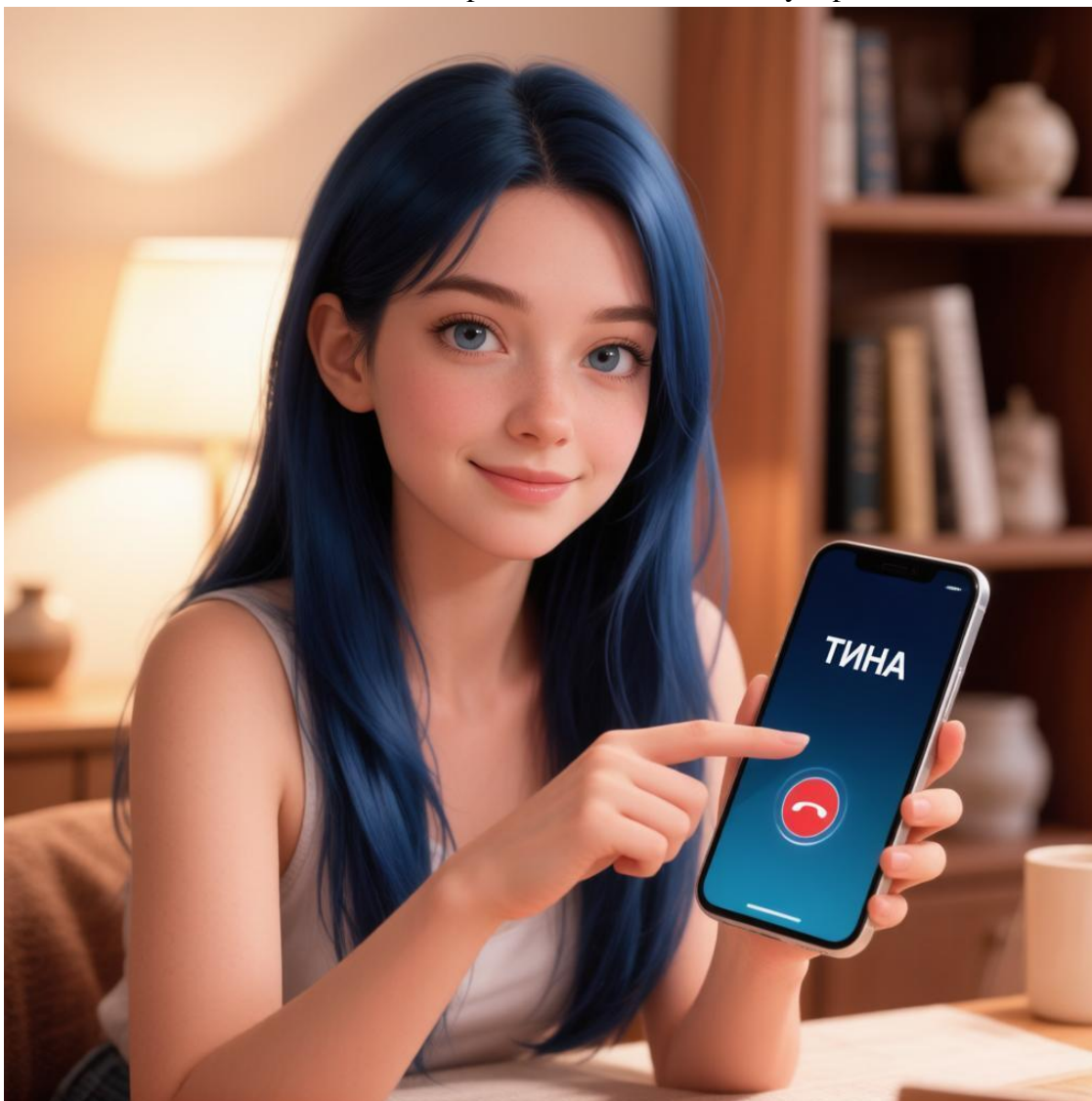
Она медленно откинулась на спинку эргономичного кресла, которое стоило как её первая месячная зарплата в этой сфере, и позволила себе сделать глубокий, медленный вдох. Воздух

в студии «Стихии» пах дорогим деревом, свежесваренным кофе и едва уловимым ароматом акварели. Десять лет назад этот запах был для неё недостижимой мечтой.

Память услужливо подбросила картинку из прошлого: тусклый свет в коридорах бизнес-центра «Горизонт», запах хлорки, смешанный с дешевым растворимым кофе из автомата, и гудящая боль в ногах после восьми часов на ногах. Тогда, когда Артём был совсем крохой и спал в слинге за спиной, она работала уборщицей. Чтобы просто прокормить себя и своего сыночка. Чтобы купить ему смесь, когда молоко пропало от постоянного стресса. Чтобы оплатить крошечную комнату в коммуналке. Тогда её «огонь» был не творческим пламенем, а отчаянным желанием выжить. Он горел рваным, нервным пламенем, обжигая её саму.

Теперь всё изменилось. Её огонь горел ровно и мощно. Он не сжигал, а согревал. Он стал фундаментом её маленькой семьи и источником энергии для их общего дела. Она нашла свой стиль — дерзкий микс реализма и сюрреализма, — обрела финансовую независимость и ту самую уверенность, которой так не хватало той измученной матери-одиночке.

Телефон на столе завибрировал, резко вырывая её из ностальгических размышлений. На экране высветилось имя: **Тина**. Алиса провела пальцем по стеклу, принимая вызов.

— Да, солнце? — её голос всё ещё звенел от радости победы. Она не отрывала взгляда от финального рендера на планшете.

— Ты в студии? — голос Тины прозвучал непривычно глухо и низко, словно она говорила через плотную ткань или просто прикрывала рот рукой.

— Да! Только что закрыла проект. Слушай, они взяли мой концепт! Представляешь? Без единой правки! Я уже отправила файлы на рендер.

В трубке повисла пауза. Она была не просто тишиной — это была густая, тяжёлая субстанция, которую можно было резать ножом. Алиса физически почувствовала её вес, как давление на барабанные перепонки перед грозой.

— Тина? Ты здесь? Алло?

— Я... я в порядке, — наконец отозвалась подруга, но её голос предательски дрогнул на слове «порядке», сорвавшись в едва заметную хрипотцу. — Слушай... я не приеду сегодня. У меня... встреча. Важная.

Алиса нахмурилась. Она слишком хорошо знала этот тон. Слишком хорошо знала свою подругу.

— В десять вечера? — уточнила она мягко, но настойчиво. — Что за встреча?

— Не важно. Это по работе. И отмени завтра брифинг с «Нексусом». Я... я не в форме.

Связь оборвалась так же внезапно, как и возникла эта тяжёлая тишина. Алиса смотрела на потухший экран телефона ещё несколько секунд.

«Не в форме» для Тины могло означать что угодно. Это мог быть трёхдневный марафон работы без сна над срочным заказом от арабского шейха. Это мог быть прыжок с парашютом где-нибудь в Альпах или затяжной заезд на треке Формулы-1 в Дубае. Или... что-то похуже.

Успех превратил её подругу в звезду индустрии, чьё имя открывало любые двери и гарантировало баснословные гонорары. Но этот же самый успех выжег её изнутри дотла. Тине всегда нужно было больше. Больше скорости, больше риска, больше шума и хаоса вокруг, чтобы создать хоть какой-то барьер и заглушить ту оглушающую, звенящую тишину, которая наступала внутри неё самой каждый раз, когда она останавливалась.

Алиса закрыла ноутбук с чувством нарастающей тревоги. Её ровный огонь сейчас не грел, а жёг беспокойством за ту, чья стихия вышла из-под контроля. Она взяла ключи от машины. Её стиль вождения был полной противоположностью стилю Тины: плавный газ, плавное торможение и абсолютное уважение к правилам дорожного движения. Но сегодня ей нужно было ехать быстро.

Она должна была убедиться лично.

Глава 2. Падение в тишину.

Тина сидела на полу своей пентхаусной квартиры, привалившись спиной к холодному, безупречному панорамному окну. За стеклом раскинулся ночной город — бесконечная, равнодушная россыпь огней, похожая на рассыпанные по чёрному бархату бриллианты. Внутри же, в этом храме минимализма и дизайнерского шика, царил ледяной холод. Несмотря на то, что система климат-контроля поддерживала идеальные плюс двадцать пять градусов, её бил озноб. Зубы стучали так, что, казалось, их стук слышен на другом конце города.

Паническая атака накрыла её внезапно, без предупреждения, как удар под дых. Только что она была живым воплощением скорости и контроля. Она мчалась по ночному шоссе на своём алом спорткаре, выжимая из двигателя всё возможное, чувствуя, как ветер бьёт в лицо, а адреналин выжигает вены, даря ту самую вожаделенную иллюзию жизни. В этот момент она была хозяйкой вселенной. Но потом — резкий удар по тормозам у пустого светофора. Двигатель заглох. Наступила тишина.

И в этой тишине не было ничего. Ни рева мотора, ни стука сердца, ни музыки из динамиков. В этой оглушающей пустоте была только она и бездна собственного страха. Дикий, первобытный ужас перед собственным существованием. Руки тряслись так сильно, что она чудом не

выпустила руль. Она кое-как доехала до подземного паркинга, поднялась в квартиру и просто сползла по стене на пол.

«Я не в форме». Какое жалкое, ничтожное оправдание. Слабость. Тина ненавидела слабость.

Она слепо пошарила рукой по гладкому паркету и нащупала бутылку виски, которую оставила здесь днём. Пальцы не слушались, горлышко стучало о край стакана с глухим, раздражающим звуком. Первый глоток обжёг горло, но не принёс облегчения. Огонь алкоголя был слишком слабым и быстрым, чтобы согреть этот космический холод внутри. Ей нужно было что-то сильнее. Что-то, что разорвёт эту мертвую тишину внутри и снаружи.

Взгляд сфокусировался на ящике комода из тёмного дерева в другом конце комнаты. Там. Она знала, что там лежит спасение от тишины. Сильные транквилизаторы. Рецептурный препарат, который ей выписал врач месяц назад после того памятного случая: она чуть не потеряла сознание прямо во время финальной презентации для японских инвесторов. Тогда она списала это на переутомление и три чашки двойного эспрессо подряд. Но сейчас... сейчас ей нужна была гарантия. Гарантированное отключение.

Тина с трудом поднялась на ноги. Мир вокруг качнулся, словно палуба корабля в шторм. Она сделала неуверенный шаг к спальне и замерла, увидев своё отражение в тёмном стекле окна.

На неё смотрела растрепанная женщина с потёкшим макияжем и диким, загнанным взглядом. В отражении не было той безупречной бизнес-леди, которую знал весь мир. Там была лишь тень, испуганная девочка, которая боялась темноты.

«Кто ты?» — беззвучно спросила она у отражения.

Ответа не было. Только город подмигивал ей миллионами равнодушных огней.

Она доковыляла до комода и рывком выдвинула ящик. Пластиковая баночка с таблетками блеснула в полумраке. Тина дрожащими пальцами открутила крышку. Внутри было спасение от боли и пустоты. Она вытряхнула на ладонь сразу две таблетки — больше, чем рекомендовал врач. «Так будет надёжнее», — прошептала она сухими губами.

Поднесла ладонь ко рту, готовая запить их виски прямо из горлышка. Её палец уже коснулся таблетки, подталкивая её к губам.

И в этот момент тишину квартиры разорвал пронзительный звонок в дверь.

Тина вздрогнула так сильно, что таблетки рассыпались по полу, закатываясь под комод и кровать. Звонок не прекращался — кто-то настойчиво жал на кнопку, не отпуская её ни на секунду.

Дзззззззззз!

Сердце пропустило удар. Паника сменилась глухой яростью и страхом быть застигнутой в таком состоянии.

— Какого черта... — прохрипела она, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

Она медленно пошла к двери, пошатываясь. Кто это мог быть? Консьерж? Полиция? Или... Алиса? От этой мысли внутри всё сжалось ещё сильнее. Она не могла позволить Алисе увидеть её такой — сломанной, жалкой.

Дверь распахнулась рывком.

— Какого черта ты... — начала Тина заплетающимся языком, готовая обрушиться на незваного гостя всю свою ярость, но осеклась.

На пороге стояла Алиса. Спокойная. Собранная. С тем самым непреклонным выражением лица «я всё решу», которое когда-то вытасило их обеих из полной безнадёги.

Алиса не стала ждать приглашения или отвечать на гневную тираду. Она молча шагнула внутрь квартиры, оттесняя подругу плечом с такой уверенностью, словно это была её собственная территория. Она даже не посмотрела на хаос в гостиной — разбросанную одежду и пустую бутылку из-под вина на журнальном столике. Её целью была кухня — сердце любого дома.

Тина вошла следом и тяжело оперлась о дверной косяк, наблюдая за ней с кривой усмешкой, которая плохо скрывала дрожь в губах.

— Решила помыть посуду? Или затопить меня к чертям? — попыталась съязвить она, но голос предательски сорвался.

Алиса не ответила ни слова. Она просто подошла к раковине и открыла кран с холодной водой до упора. Шум падающей струи показался Тине оглушительным грохотом водопада после гробовой тишины пустой квартиры.

Алиса набрала ледяной воды в высокий стакан до самых краёв и подошла к Тине вплотную, вторгаясь в её личное пространство так бесцеремонно, как могла только она.

— Пей, — голос Алисы прозвучал непривычно твёрдо и властно. В нём звенел металл закалённой стали.

Тина фыркнула:

— Я просила виски со льдом, а не просто лёд с водой.

— Пей! — повторила Алиса громче и жестче.

Она схватила Тину за подбородок свободной рукой — крепко, почти грубо — заставляя посмотреть себе прямо в глаза. И то, что Алиса увидела там, напугало её до дрожи в коленях: там была абсолютная пустота. Бездна.

— Ты боишься тишины? — тихо спросила Алиса, глядя прямо в эту бездну без страха. Её собственный огонь сейчас был ровным и сильным как сталь доспеха. — Так вот она я. Я пришла сюда со своей тишиной. И я не дам тебе упасть в твою.

Она прижала холодный край стакана к губам подруги так решительно, что у той не осталось выбора.

— Пей воду, Кристина. Сейчас же.

Тина попыталась вырваться из захвата — скорее инстинктивно, чем всерьёз, потому что сил у неё почти не осталось. Но хватка Алисы была железной. В этом была вся суть их тандема: когда огонь Алисы становился ровным и сильным как сталь, он мог удержать бушующий пожар Тины от полного самоуничтожения.

Вода полилась по подбородку Тины, намочив воротник дорогой шелковой блузки. Она закашлялась от холода и неожиданности, но сделала глоток под давлением твёрдой руки подруги. Затем ещё один.

Алиса поставила стакан на столешницу и обняла подругу так крепко, как только могла, словно пытаясь собрать воедино осколки той разбитой женщины у окна.

Тина стояла неподвижно несколько секунд — каменное изваяние из гордости и боли. А затем её плечи затряслись в беззвучных рыданиях. Вся броня цинизма, успеха и напускной бравады осыпалась пеплом к их ногам.

— Я так устала бежать... — прошептала Тина куда-то в плечо Алисы дрожащим голосом маленькой девочки. Её колени подкосились бы окончательно, если бы Алиса её не держала. — Мне страшно остановиться...

Алиса лишь крепче сжала объятия и погладила подругу по спутанным волосам.

— Я знаю, родная... Я знаю... Но ты не одна больше. Мы со всем справимся вместе.

Она отстранилась ровно настолько, чтобы посмотреть Тине в глаза и вытереть слёзы с её щёк тыльной стороной ладони.

— Вода всегда найдёт путь к огню... чтобы его остудить или чтобы дать ему новую жизнь. А я буду рядом с тобой в любой тишине.

Глава 2.1. Эхо пустого зала.

Тина всегда любила скорость. Не ту, что измеряется спидометром на трассе, а ту, что пульсирует в висках дедлайном, когда мозг работает на пределе, выдавая гениальные решения за секунды. Она построила свою карьеру на этом адреналине. Её имя стало брендом: «Тина из "Стихий"» — это гарантия невозможного, сделанного в срок. Но сейчас, сидя в тишине своего пентхауса, она понимала: она не просто устала. Она выгорела дотла.

Это не было усталостью, которую лечит отпуск на Бали. Это было выгорание на клеточном уровне. Её внутренний реактор, некогда питавший энергией целые корпорации, начал плавиться. И чем ближе он был к критической отметке, тем отчаяннее она пыталась выжать из него последние капли мощности.

Причина крылась не в объёме работы. Причина была в тишине, которая наступала после.

Тина посмотрела на своё отражение в тёмном экране выключенного телевизора. Красивая, успешная женщина. Идеальный макияж, который она не потрудилась смыть, растёкся под глазами тёмными кругами. Она видела маску. За этой маской не было ничего. Пустота.

Она вспомнила вчерашний вечер. Закрытый показ её последнего проекта — масштабной VR-игры, над которой студия «Стихий» работала два года. Зал был полон. Стояли овации.

Её вызывали на сцену трижды. Флешбэки успеха должны были принести удовлетворение, но вместо этого внутри образовалась гулкая, холодная пустота.

Она стояла на сцене под софитами, улыбалась, кивала, принимала поздравления и премии. А в голове билась одна-единственная мысль: **«И что теперь?»**.

В этом и заключалась ловушка её успеха. Каждый проект был восхождением на Эверест. Пик эйфории — это момент, когда ты ставишь флаг на вершине и смотришь вниз. Но спуск всегда был быстрее и страшнее. Как только контракт был подписан, а аплодисменты стихали, гора исчезала. И она оставалась одна на ровной, бескрайней равнине обыденности.

Её депрессия не была грустью. Это был экзистенциальный ужас перед бессмысленностью следующего шага. Если ты покорил все вершины, которые мог себе представить, зачем просыпаться завтра? Чтобы покорить их снова? Это превращалось в бег белки в колесе, только колесо это вращалось с бешеной скоростью, грозя размазать её по стенкам.

Ей нужно было чувствовать себя живой. Любой ценой.

Экстремальный спорт: Прыжок с парашютом давал ей десять минут чистого ужаса и восторга. Десять минут, когда мозг отключался от мыслей о пустоте и концентрировался только на одном — на выживании.

Случайные связи: Физическая близость была самым быстрым способом почувствовать контакт с реальностью. Тело реагировало, гормоны зашкаливали, и на пару часов вакуум внутри заполнялся примитивным, животным теплом.

Алкоголь: Это был анестетик. Способ притупить остроту сознания и приглушить тот тихий голос в голове, который шептал: «Ты — подделка. Ты никому не нужна по-настоящему».

Но всё это работало всё хуже. Прыжки с парашютом стали рутинной («Очередной выход из самолёта»). Секс стал механическим («Просто трение тел»). Алкоголь перестал приносить забытьё и приносил лишь тошноту и головную боль.

Тишина всегда побеждала.

Она боялась остановиться не потому, что ей было лень или она была трудоголиком. Она боялась остановиться, потому что в полной тишине собственного дома, без гула проектов и шума чужих голосов, она слышала лишь эхо пустого зала после вчерашних оваций. И это эхо было оглушительнее любого крика. Оно доказывало ей, что вся её жизнь — это лишь попытка убежать от самой себя, и бежать уже некуда.

Глава 3. Искра в пепле.

Алиса не отпустила Тину. Она буквально дотащила её до дивана, заставила выпить ещё воды и укутала в тяжелый шерстяной плед, который обычно лежал свернутым в кресле и служил лишь элементом декора. Тина сидела, сжавшись в комок, похожая на нахохлившуюся птицу, и дрожала, хотя в квартире было тепло. Алиса села рядом, но не слишком близко, давая подруге личное пространство, которое той сейчас было жизненно необходимо.

— Ты не одна, — тихо, но твердо сказала Алиса, глядя на огоньки города за окном. — Слышишь? Ты не одна. У тебя есть я. У тебя есть так же мой сын Артём. У тебя есть «Стихии».

— «Стихии»... — эхом отозвалась Тина, и в её голосе прозвучала горечь. — «Стихии» — это якорь. Это рутина. Это счета, брифы, правки... Это клетка, из которой я пыталась вырваться.

— Нет, — Алиса покачала головой и наконец повернулась к подруге. Её взгляд был спокоен, как гладь лесного озера. — Ты путаешь. «Стихии» — это не клетка. Это наш дом. А дом не должен быть тюрьмой. Он должен быть местом, где можно спрятаться от бури.

Она встала и подошла к огромному мольберту, который стоял в углу комнаты, накрытый белой тканью. Тина даже не помнила, когда она его купила. Наверное, это был очередной импульсивный порыв, который так и не нашел выхода.

Алиса сдернула ткань одним резким движением. Под ней оказался чистый холст.

— Встань, — скомандовала Алиса.

Тина посмотрела на неё с недоумением.

— Что? Ты издеваешься? Я не могу... Я не чувствую рук.

— Именно поэтому ты должна встать. Не для того, чтобы рисовать. А чтобы вспомнить, как это — двигаться не по графику, а по зову сердца.

Тина колебалась секунду, но что-то в непреклонном взгляде Алисы заставило её подчиниться. Она поднялась с дивана, пошатываясь.

Алиса взяла с журнального столика тюбик густой черной акриловой краски и выдавила щедрую порцию прямо на палитру.

— Закрой глаза, — мягко сказала она.

— Алис...

— Закрой глаза, Кристина. Доверься мне.

Тина закрыла глаза. Мир погрузился во тьму, и на мгновение паника снова попыталась поднять голову, но Алиса тут же взяла её за руку.

— Я держу тебя. Не бойся. Почувствуй тяжесть кисти в руке.

Алиса вложила тяжелую кисть в безвольные пальцы подруги. Рука Тины дрогнула.

— А теперь... — голос Алисы стал тише, почти гипнотическим. — Представь свою тишину. Ту самую, которая тебя пугает. Представь её как пустую черную бездну.

Тина невольно вздрогнула, но не открыла глаз.

— А теперь представь меня. Мое пламя. Ровное, теплое, уверенное. Оно не обжигает. Оно освещает путь. Мы — огонь и вода. Мы всегда были противоположностями. Но что происходит, когда огонь касается воды?

Тина молчала, сосредоточившись на ощущениях: холодная краска под пальцами, тепло руки Алисы на её плече.

— Он не гаснет от одной капли, — сама ответила Алиса на свой вопрос. — Он шипит и рождает пар. Новую субстанцию. Облако. Мы с тобой не уничтожаем друг друга, Тина. Мы создаем нечто третье. Мы создаем магию.

Алиса подвела руку Тины к холсту.

— Рисуй тишину. Выплесни её сюда. Не бойся испачкаться.

И Тина начала двигаться. Сначала робко, просто оставляя на холсте черные кляксы. Потом увереннее. Рука сама собой начала выводить спирали, резкие зигзаги отчаяния и плавные линии тоски. Она рисовала свой страх перед пустотой, свою усталость от бесконечной гонки. Черная краска ложилась на холст слоями, превращаясь в хаотичный вихрь.

Алиса отошла в сторону и взяла другую кисть и тюбик с белой гуашью.

— А теперь я добавлю света, — сказала она и начала наносить поверх черного хаоса белые всполохи, прожилки света, которые пронизывали тьму насквозь.

Это длилось минут двадцать в полной тишине, нарушаемой лишь шорохом кистей по холсту и тяжелым дыханием Тины. Когда последняя капля краски была нанесена, Алиса мягко забрала кисть из пальцев подруги и развернула Тину лицом к картине.

Тина открыла глаза.

Перед ней было нечто невероятное. Это не было просто абстрактной мазней. Это был портрет её души в данный момент. Ужасающая черная воронка депрессии была там, но она не была сплошной тьмой. Она была пронизана тонкими белыми трещинами, из которых пробивался свет. Свет не побеждал тьму полностью — они существовали вместе, переплетаясь в сложном танце контрастов.

Тина смотрела на холст и чувствовала странное опустошение... но это было хорошее опустошение. Словно она только что исторгла из себя яд.

— Вот она я... — прошептала она.

— Вот она ты, — кивнула Алиса. — И это прекрасно в своей уродливости. Это честно.

Тина повернулась к подруге. Слезы на её глазах высохли, оставив дорожки на щеках.

— Я больше не могу так... Я выгорела дотла.

— Я знаю, — Алиса обняла её за плечи и прижала к себе. От неё пахло домом и кофе. — Поэтому мы меняем правила игры. Ты больше не бежишь впереди паровоза одна. Мы с тобой — тандем «Стихий». И мы будем творить по-новому.

Она отстранилась и посмотрела Тине прямо в глаза своим ясным взглядом.

— Помнишь наш первый заказ? Мы сидели на моей кухне за пять тысяч рублей и были счастливы просто от того, что рисуем вместе? Верни мне ту Кристину. Ту, которая горела идеей, а не страхом провала или тишины.

Тина всхлипнула и уткнулась лбом в плечо Алисы.

— Я хочу... Я так хочу снова это почувствовать...

— Тогда почувствуй это сейчас, — Алиса отстранилась и взяла планшет со стола Тины — тот самый, который она использовала для работы с чертежами и сметами. Она открыла его и развернула к подруге экраном вверх.

На экране был концепт-арт Алисы для нового проекта — та самая эльфийка с глазами цвета грозового неба.

— Смотри на неё. Что ты видишь? Не как юрист или менеджер. Как художник? Как творец?

Тина всмотрелась в изображение. Она видела линии, светотень... а потом она увидела историю.

— Я вижу... одиночество этой воительницы. Она сильна снаружи, но внутри у неё такая же пустота после битвы. Ей нужен дом.

Алиса улыбнулась — той самой улыбкой победителя из начала истории.

— Именно! Так давай создадим этот мир для неё вместе! Не ради дедлайна «Нексуса». Ради нас самих. Ради того огня в твоих глазах, который я сейчас вижу снова просыпаться.

Тина посмотрела на подругу, потом на холст со своей чернильной бездной и снова на экран планшета с грозовой эльфийкой. В груди медленно разгоралось что-то теплое. Не адреналиновый пожар гонки за успехом, а тихое, ровное пламя созидания.

Она выпрямилась. Дрожь прошла.

— Хорошо... Давай попробуем... Но я хочу начать всё заново. С чистого листа.

Алиса протянула ей планшет со стилусом:

— Лист перед тобой, Кристина. Рисуй свою тишину так, чтобы она зазвучала как симфония контрастов.

Глава 4. Симфония контрастов.

Утро ворвалось в панорамные окна квартиры Тины безжалостным светом. Тина проснулась не от звонка будильника, а от того, что солнце било ей прямо в лицо. Она лежала на диване, всё ещё укутанная в тот самый тяжёлый шерстяной плед. В комнате пахло кофе и чем-то ещё — скипидаром и свежей краской. Голова была тяжёлой, но впервые за долгое время эта тяжесть не была свинцовой плитой депрессии. Это было обычное, физическое похмелье.

Она села, спустив босые ноги на прохладный пол. Воспоминания о вчерашнем вечере возвращались урывками: паника, пустота, таблетки... и Алиса. Тина повернула голову и увидела её. Подруга спала в кресле, свернувшись калачиком и подложив под щеку ладонь. На журнальном столике рядом с ней дымилась забытая чашка кофе, а на полу, прислонённый к стене, стоял вчерашний холст.

Тина встала и подошла к нему. В ярком утреннем свете картина выглядела иначе. Ночью, при тусклом освещении, она казалась просто хаосом. Сейчас же Тина видела в ней структуру. Это была не просто тьма. Это была «Тишина». Густая, бархатная чернота, в которой, словно звёзды в туманности, мерцали белые и серебристые прожилки света. Это было пугающе красиво и пугающе честно.

— Нравится? — сонный голос Алисы заставил её вздрогнуть.

Тина обернулась. Алиса потягивалась, разминая затёкшую шею.

— Это... это я? — тихо спросила Тина.

— Это то, что ты носила в себе. Теперь оно здесь, на холсте. Оно больше не внутри тебя.

Тина долго смотрела на картину, а затем решительно кивнула.

— Сожги его.

Алиса удивлённо вскинула брови.

— Что?

— Сожги. Или выброси. Или продай какому-нибудь психу-коллекционеру. Мне всё равно. Я не хочу, чтобы это висело здесь и напоминало мне о том, как низко я пала. Я хочу... я хочу нарисовать что-то новое.

Это было именно то, что Алиса надеялась услышать. Не обещание «я больше не буду пить», не клятва «я возьму отпуск». А простое, искреннее желание творить.

Следующие три дня студия «Стихии» превратилась в улей. Официально они отменили все встречи и закрылись от внешнего мира. Артём, приехавший от бабушки, с восторгом наблюдал за тем, как две его «тёти» творят магию. Он стал их главным критиком и поставщиком печенья.

Процесс был не похож на их обычную работу. Раньше это был конвейер: Тина ставит задачу, Алиса рисует эскизы, Тина утверждает, они передают проект 3D-моделлерам. Сейчас же это был первобытный ритуал.

Они работали над концептом той самой эльфийки с глазами цвета грозы, но теперь это была командная работа на уровне душ.

— Она не просто воительница, — говорила Тина, сидя на полу среди разбросанных скетчбуков и смятых листов бумаги. — Она — хранительница границы между миром живых и миром теней. Она устала убивать. Её меч слишком тяжёл.

— Да! — подхватывала Алиса, быстрыми штрихами карандаша набрасывая новый силуэт. — Смотри! Давай сделаем её доспех не блестящим хромом, а матовым, как застывшая вулканическая лава. А под ним — шрамы. Не боевые, а от магии.

Они спорили до хрипоты о том, какого цвета должна быть магия в её руках — мертвенно-синего или цвета гаснущих углей? Они искали референсы в музыке (Тина включила

мрачный эмпбиент), в природе (Алиса принесла ветку засохшего дерева), даже в разбитом стекле на парковке.

Тина, которая раньше лишь утверждала готовые решения, теперь сама взяла в руки планшет со стилусом. Её движения были неуверенными после долгого перерыва, но они были живыми. Она не пыталась создать идеальную линию. Она искала эмоцию. Она рисовала не контур доспеха, а тяжесть бремени на плечах героини.

Алиса же работала с цветом и светом. Она видела мир глазами Тины — через призму её пережитой тьмы — и добавляла в палитру такие глубокие оттенки индиго и фиолетового, что казалось, будто смотришь в бездну.

К вечеру третьего дня на главном мониторе студии сиял финальный концепт.

Это была она. Эльфийка стояла на краю скалы, глядя на бушующее море внизу. Ветер рвал её тёмный плащ. В одной руке она держала огромный двуручный меч, лезвие которого было покрыто светящимися рунами сдерживания. Но главное было в её лице и жесте другой руки: она не угрожала миру. Она протягивала открытую ладонь к клубящейся над морем тьме, словно пытаясь её успокоить или понять.

Это был портрет не силы, а изнеможения и глубокой внутренней мудрости.

Тина стояла за креслом Алисы и смотрела на результат их совместной работы. В груди разливалось тепло. Это было забытое чувство чистого восторга от созидания чего-то настоящего.

— Мы должны показать это «Нексусу», — выдохнула она наконец.

Алиса улыбнулась и откинулась на спинку кресла.

— Мы покажем им это завтра. А сейчас... я умираю с голоду. Артём! — крикнула она в сторону кухни. — Кажется, кто-то обещал нам свои фирменные бутерброды!

Вечером они сидели прямо на полу в студии вокруг проектора. На стене висела та самая картина Тины — «Тишина». Алиса принесла из машины рамку.

— Я подумала... пусть она будет здесь. Не как напоминание о падении, а как доказательство того, что ты смогла из этого выбраться и создать нечто прекрасное из хаоса.

Тина посмотрела на чёрно-белый вихрь на холсте и впервые за долгое время почувствовала не страх, а благодарность.

— Ты спасла меня снова... — прошептала она.

— Мы спасли друг друга, — поправила Алиса, обнимая подругу за плечи одной рукой и Артёма другой. — Вода всегда найдёт путь к огню. Иногда чтобы потушить пожар саморазрушения, а иногда — чтобы выковать из него меч для новой легенды.

Тина посмотрела на финальный концепт эльфийки на экране проектора. В её глазах цвета грозы больше не было пустоты. В них была история. Их история.

— Как мы её назовём? — спросила Тина.

Алиса посмотрела на подругу и улыбнулась так широко и светло, как только могла:

— Я думаю... её будут звать Кристиана. В честь той, кто подарил ей свою тьму и свой свет.

Глава 5. Хроники четвертого «Б».

Для Артёма школа была чем-то вроде параллельной вселенной. В этой вселенной существовали строгие правила, которые нельзя было нарушать (например, не бегать по коридорам), и странные ритуалы, вроде дежурства по классу. Там были свои герои и злодеи, свои войны за парту у окна и свои великие открытия (например, что если смешать синий пластилин с желтым, получится не красивый зеленый, а грязно-коричневый ком).

Артём учился в четвертом «Б», и этот год обещал быть самым сложным. Во-первых, у них сменилась классная руководительница. Вместо доброй, но рассеянной Анны Петровны пришла Маргарита Сергеевна — женщина с идеальной прической и голосом, от которого хотелось немедленно достать учебник и начать читать его вслух. Во-вторых, программа стала сложнее. Теперь нужно было не просто читать, а *анализировать* прочитанное. Артём не до конца понимал, как можно «анализировать» сказку про репку, но раз в учебнике так написано — значит, надо.

Сегодня был вторник, а значит — самый тяжелый день. Во вторник было пять уроков: математика, русский, физкультура, окружающий мир и ИЗО. Физкультуру Артём любил, но не

за бег или прыжки. Он любил её за возможность выплеснуть энергию и за то, что там не нужно было сидеть смиренно сорок пять минут. А вот ИЗО... На ИЗО он чувствовал себя самозванцем.

Математика пролетела незаметно. Артём быстро справился с контрольной по таблице умножения и теперь сидел, тайком рисуя в черновике концепт-арт для маминго проекта. Он представлял себе ту самую эльфийку Кристиану, но с кошачьими ушами. Ему казалось, это сделало бы её образ более... уютным.

На перемене перед русским языком к нему подошел Лёха из параллельного «А» класса.

— Эй, художник! — гаркнул Лёха, хлопнув Артёма по плечу так, что тот чуть не слетел со стула. — Говорят, твоя мать монстров для игр рисует? Нарисуй мне дракона! Чтоб огнем дышал!

— Она рисует персонажей для серьезных проектов, — спокойно ответил Артём, убирая свой набросок в рюкзак. — А драконов я тебе и сам могу нарисовать. Только после уроков.

Это был стандартный ритуал. Лёха каждый день просил «нарисовать монстра», а Артём каждый день соглашался «после уроков», зная, что к тому времени Лёха уже найдет себе новое развлечение.

Урок русского языка был посвящен сложному предложению. Маргарита Сергеевна ходила между рядами, и её каблук отбивали ритм: *тук-тук-тук*. Этот звук гипнотизировал.

— ...и запятая здесь ставится потому, что это придаточное предложение причины! — её голос вывел Артёма из задумчивости.

Он посмотрел на доску. Там было написано: *«Я не пошел гулять, потому что на улице шел дождь»*.

В голове Артёма тут же возникла картина: его тётя (Тина) стоит у окна их студии «Стихии», смотрит на ливень и говорит его маме (Алисе): *«Я не пойду на встречу с инвесторами, потому что у меня паническая атака»*. Это было придаточное предложение причины? Определенно. Но в жизни всё было сложнее одной запятой.

После уроков была физкультура. В спортзале пахло потом и старым деревом паркета. Класс разделили на две команды для игры в пионербол. Артём был не самым спортивным мальчиком, но очень ловким. Он умел предугадывать траекторию мяча. Он видел поле целиком: вот Васька сейчас кинет мяч Петьке, а Петька — слабое звено, он всегда целится в центр, где стоит самый высокий.

— Готовься! — шепнул он своей подруге Кате, которая стояла рядом.

Мяч полетел именно туда, куда предсказал Артём. Он подпрыгнул и точным пасом отправил мяч на сторону противника, прямо в руки их капитану.

— Гол! — закричала Катя.

Артём улыбнулся. Здесь всё было понятно: есть правила, есть цель, есть команда. Никаких скрытых смыслов и панических атак.

Последним уроком было ИЗО. Маргарита Сергеевна объявила тему: «*Настроение в цвете*».

— Я хочу, чтобы вы закрыли глаза и вспомнили самый счастливый момент вашей жизни. А потом перенесли его на бумагу тем цветом, который вы чувствуете.

Класс загудел. Кто-то сразу схватился за желтый карандаш (счастье — это солнце), кто-то за розовый (счастье — это день рождения).

Артём закрыл глаза. Самый счастливый момент... Это было вчера вечером. Он пришел из школы раньше обычного, потому что отменили последний урок. Дома пахло краской и кофе. Он заглянул в студию и увидел их: мама Алиса сидела на полу в наушниках и яростно водила стилусом по планшету, а Тина стояла у мольберта и широкими мазками наносила на холст густую черную краску. Они не ругались (что бывало часто из-за дедлайнов), они не молчали обиженно. Они творили.

Это был момент абсолютной гармонии.

Какой это был цвет? Не просто желтый или розовый. Это был сложный цвет. Как цвет раскаленной лавы под темным ночным небом. Как цвет грозы на горизонте — тяжелый фиолетовый с проблесками ослепительно-белого света.

Артём открыл глаза. Он не стал брать карандаши или мелки. Он подошел к полке с красками и взял тюбик с черной гуашью и баночку с белой акриловой краской.

Он начал густо закрашивать лист черным цветом. Лист превращался в глухую ночь или бездонную пустоту. Но затем он взял тонкую кисть и начал добавлять в эту тьму тонкие, рваные линии белого и серебристого цвета. Он рисовал не солнце и не радуго. Он рисовал вспышки энергии в темноте.

Когда прозвенел звонок с урока, Маргарита Сергеевна подошла к его мольберту последней. Весь класс уже толпился у его работы.

— Что это, Артём? — спросила учительница, внимательно разглядывая картину.

— Это когда очень-очень хорошо внутри, даже если снаружи темно, — серьезно ответил мальчик.

Маргарита Сергеевна посмотрела на него поверх очков, потом снова на картину — на этот танец тьмы и света.

— Это... очень взрослая работа, Артём. Очень глубокая.

По дороге домой в метро Артём прижимал к груди свой рюкзак и папку с рисунком. Он думал о том, что сегодня он получил две пятерки: одну по математике за контрольную и одну по ИЗО за настроение. Но оценка по рисованию значила для него больше. Он понял сегодня то, что иногда забывали взрослые: чтобы увидеть свет, нужно сначала принять темноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.